

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

Е.Ю. Полянский*

ТЕОРИЯ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ
В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ США:
КЛЮЧЕВЫЕ ПОЗИЦИИ
И ОСНОВНЫЕ НЕДОСТАТКИ

Аннотация. Имеются все основания полагать, что теория состава преступления в уголовном праве США в настоящее время переживает свои не лучшие времена. За весь период своего исторического развития она так и не вышла на уровень, способный обеспечить надлежащее применение уголовного закона при квалификации преступлений. В результате отсутствуют единые стандарты правоприменения, что приводит к весьма свободной интерпретации законодательства судами. Американские теоретики слишком много времени и сил затрачивают на совершенно бессмысленные дискуссии о содержании преступного акта, аморальной природе психо-волевого отношения к своим действиям, постулатах свободы воли в вопросах ответственности за бездействие и др. В то же время без внимания остаются насущные проблемы, имеющие практическое значение. В итоге существенные недостатки американской теории состава преступления не способствуют установлению объективной истины по делу и справедливому наказанию виновных. Такое положение дел свидетельствует о необходимости активного исследования теории состава преступления в праве США с целью установления ее недостатков, что позволит избежать возможных ошибок в ходе дальнейшего развития отечественного права. Более того, «посторонний» взгляд на обозначенные проблемы может быть неоценимым и для американской правовой науки, так как предлагает совершенно иное видение путей совершенствования концепции состава преступления.

Ключевые слова: юриспруденция, состав преступления, *actus reus*, *mens rea*, бездействие, квалификация, общее право, формы вины, конвергенция права, Модельный уголовный кодекс.

Состав преступления считается необходимым условием наступления уголовной ответственности в науке и практике уголовного права стран общего права. Как известно, в отличие от семей континентального права структура состава преступления является двухэлементной и предусматривает лишь преступное действие (*actus reus*) и виновное отношение (*mens rea*). Подобное структурирование исторически возникло и развилось в английском общем праве под влиянием политических и социальноэкономиче-

ских факторов периода Средневековья в условиях абсолютизированной монархической государственной власти.

Имеются все основания полагать, что теория состава преступления в уголовном праве США в настоящее время переживает не лучшие времена. Более того, за весь период своего исторического развития она так и не вышла на уровень, способный обеспечить надлежащее применение уголовного закона при квалификации преступлений. В результате отсутствуют единые стандарты правоприме-

© Полянский Евгений Юрьевич

Докторант кафедры уголовного права Национального университета «Одесская юридическая академия» [polyansky@ukr.net]

65012, Украина, г. Одесса, ул. Пионерская, д. 2.

нения, что приводит к весьма свободной интерпретации законодательства судами. Масла в огонь хаоса юридической квалификации подливает и значительное количество противоречивых доктринальных наработок, которые также широко используются судами при необходимости подкрепить аргументами процессуальное решение, принятое по сути уголовного производства. Такое положение дел свидетельствует о необходимости активного исследования теории состава преступления в праве США с целью установления ее недостоков, что позволит избежать возможных ошибок в ходе дальнейшего развития отечественного права. Более того, «посторонний» взгляд на обозначенные проблемы может быть неопределимым и для американской правовой науки, так как предлагает совершенно иное видение путей совершенствования концепции состава преступления.

Одним из основателей концепции состава преступления в общем праве считается Эдвард Коук, выдающийся ученый и юрист своего времени (1552–1634). Обоснованный им принцип *actus non facit reum nisi mens sit rea* дословно подразумевал, что факт совершения определенного акта не обуславливал виновность лица в отсутствие соответствующего «преступного» психического состояния. Впрочем, эта идея во времена Коука уже была не нова (относилась к римской юридической мысли), однако именно ему принадлежит интерпретация данного подхода, положившая основу концепции *corpus delicti*.

Возвращаясь к американскому праву, необходимо отметить, что в его пределах состав преступления является центральным основанием уголовной ответственности, однако в отличие от постсоветского права, не абсолютным. Законодательство, теория и практика в некоторых случаях допускают (порой даже приветствуют) игнорирование субъективного элемента (*mens rea*) либо же вменение другого преступного действия. Само же учение о составе преступления в американской правовой доктрине является весьма дискуссионным и включает в себя немалое количество разных подходов к определению и функциональному разделению *mens rea* и *actus reus*.

Вариации концепций состава преступления в американской научной литературе могут быть представлены двумя группами. Первая отражает традиционный англо-американский подход к структуре и элементному набору состава преступления, который является результатом консервативного развития научного знания. Такой подход следует считать общепринятым, а его проблемность

преимущественно состоит в неоднозначности определения сущности акта (поведения) как центрального элемента *actus reus*, наличия субъективного отношения к своему поведению в пределах *actus reus* либо же, напротив, отнесение этого признака лишь к *mens rea*. Проблемность традиционного подхода обуславливается недостаточной степенью определенности других структурных элементов. В частности, речь идет о причинной связи и релевантных обстоятельствах, существовавших на момент совершения преступления (иными словами, о том, что мы обычно назвали бы признаками объективной стороны преступления). Данный подход прослеживается в работах большей части исследователей, в частности Дж. Остина¹, М. Мур², Д. Хусак³, Дж. Флетчера⁴, Х. Морриса⁵, М. Гора⁶, А. Энкера⁷, а также У. Блекстона⁸, Гл. Уильямса⁹ и др. Альтернативный подход (один из них) — новаторское течение в исследовании состава преступления в американской научной литературе преимущественно связан с именем Пола Робинсона, выступившего против существующей двухэлементной структуры в пользу простой совокупности признаков. Его работа «Должно ли право отбросить различие «Actus Reus — Mens Rea»»¹⁰ имела немалый резонанс в науке, однако широкой поддержки не получила.

В целом же попытки американских исследователей оптимизировать концепцию состава преступления никогда не были достаточно решительными, а поэтому не могли изменить само видение концепции в теории. В свою очередь, традиционная для континентального уголовного права четырехэлементная

¹ John Austin, *Lectures On Jurisprudence* 523 (4th Ed. 1873).

² Michael S. Moore, *Act And Crime: The philosophy of action and its implications for criminal Law* 18 (1993).

³ Douglas N. Husak, *The Orthodox model of the criminal offense*, 10 *Crim. Just. Ethics* 20, 21 (1991).

⁴ George Fletcher, *On the moral irrelevance of bodily movements*, 142 *U. Pa. L. Rev.* 1443 (1994).

⁵ Herbert Morris, *Punishment for thoughts, guilt and innocence: Essays in legal philosophy and moral psychology* 197 (1989).

⁶ Michael Gorr, *The Actus Reus requirement: A qualified defense*, 10 *Crim. Just. Ethics* 11 (1991).

⁷ Arnold N. Enker, *Impossibility in criminal attempts—legality and the legal process*, 53 *Minn. L. Rev.* 665, 687 (1969).

⁸ Sir William Blackstone, *Commentaries on the Laws of England*, Book IV, P. 21 (10th Ed. 1787).

⁹ Glanville Williams, *Criminal Law: The General Part* 22 (2d. Ed. 1961).

¹⁰ Paul H. Robinson, *Should the Criminal Law abandon the Actus Reus — Mens Rea distinction? Criminal Law: Action, Value And Structure* 187, 209 (S. Shute, J. Gardner & J. Horder, Eds. 1993).

конструкция безусловно признается более совершенной именно с учетом четкой структуризации признаков и их полноты. Она лишена проблемы удвоения признаков (например, виновности действия) между *actus reus* и *mens rea*, а также учитывает другие факторы, которые являются релевантными к конкретному поведению и имеют значение для решения вопроса об ответственности.

На наш взгляд, в качестве альтернативы «американской» концепции состава преступления может выступить именно «континентальный» образец, при этом вполне приемлемым было бы простое заимствование — адаптация необходимых элементов в тандем «*actus reus* — *mens rea*».

Однако вернемся к детальному анализу традиционного для американского права подхода. Большинство исследователей полагает, что наличие *actus reus* никоим образом не может быть установлено без одновременного обращения к *mens rea*, т.е. без исследования соответствующего отношения лица к совершаемому действию. При этом *actus reus* также предопределяет совершение именно виновного действия, иначе многие виды целиком законопослушного поведения могли бы быть расценены как уголовно-противоправные. Об этом писал еще Гл. Уильямс, но и более современные авторы также не жалеют сил и бумаги в попытках разрешения данного преувеличенного затруднения. По мнению многих исследователей, конструкция *actus reus* не может существовать на практике без *mens rea*, что на первый взгляд выглядит логичным. Вместе с тем американскому праву присущи институты объективного вменения, например абсолютная уголовная ответственность и др., по идее которых лицо отвечает лишь за факт совершения действия безотносительно к субъективному отношению. В таких случаях «упрощенная структура» *actus reus* вообще не способна обеспечить отмежевание преступного поведения от законных действий. Об этом неоднократно писали П. Робинсон¹¹, Дж. Остин¹², А. Линч¹³ и др.

Безусловно центральным элементом *actus reus* остается преступное поведение, т.е. совершение определенного акта. Так, еще Гл. Уильямс утверждал, что единствен-

ное, что безальтернативно определяет *actus reus* в уголовном праве, является акт, следующий во исполнение преступного умысла злоумышленника, или как минимум — его непростительного заблуждения. Уильямс исключал возможность наказания лишь за *mens rea*¹⁴, иными словами — за обнаружение умысла. Напротив, Дж. Манджафико в своем концептуальном труде «*The independence of actus reus*» отмечает, что ответственность не может акцентироваться сугубо на субъективных представлениях лица о желаемом результате. Автор приводит пример о попытке навредить жизни другого лица посредством магии вуду¹⁵. При совершении таких действий преступное намерение и желание наступления определенных следствий безусловно реализуются. Однако возможность причинения реального вреда с помощью магии не воспринимается серьезно ни теоретиками, ни практиками. В итоге, несмотря на наличие *mens rea*, отсутствует возможность привлечения к ответственности лишь за намерение совершить преступление, даже с учетом выполнения определенных действий, направленных на его реализацию, однако ничтожных с позиций создания причиной связи. Данная позиция целиком разделялась в работах Дж. Флетчера¹⁶.

Что же касается самого понимания преступного акта, т.е. сущности и содержания *actus reus*, то в американской науке никогда не существовало по этому поводу единой позиции. Консервативно настроенные исследователи обыкновенно отождествляли акт с мускульным сокращением или же волевым телодвижением. Представления об акте поведения как о физическом движении исторически являются наследием английской юридической мысли XVIII–XIX вв. Такое видение вопроса хорошо прослеживается в работах О. Холмса, который детально анализировал современные ему вариации определения акта¹⁷. Приведенное определение включает в себя волевой элемент, ведь действие является контролируемым, а потому и сознательным. Основываясь на постулате свободы воли, можно утверждать, что сознательные действия являются желательными, а их результаты — ожидаемыми. В научных работах, релевантных данной проблематике, авторы использовали довольно разнообразную терминологию, которая должна была охватывать

¹¹ Paul H. Robinson, Should the Criminal Law abandon the Actus Reus — Mens Rea distinction? *Criminal Law: Action, Value And Structure* 187, 209 (S. Shute, J. Gardner & J. Horder, Eds. 1993).

¹² John Austin, *Lectures on Jurisprudence* 523 (4th Ed. 1873).

¹³ A.C.E. Lynch, *The Mental element in The Actus Reus*, 98 L. Q. Rev. 116, 128 (1982).

¹⁴ Glanville Williams, *Criminal Law: The General Part* 22 (2d. Ed. 1961) 644.

¹⁵ James Mangiafico, *The Independence Of Actus reus* 11 (2011).

¹⁶ George P. Fletcher, *Rethinking Criminal Law* 166 (1978).

¹⁷ Oliver Wendell Holmes, *The Common Law* 54 (1881).

определенное психическое отношение лица к совершаемому преступному акту. Понятие «желаемости» совершения акта, как правило, отождествлялось с волевым характером поведения. Желаемый акт связывается с исполнением или реализацией воли лица¹⁸. Неконтролируемые психикой действия не должны быть уголовно наказуемыми; этот факт является очевидным. О. Холмс доказательно утверждал, что «спазм не является актом»¹⁹; Гл. Уильямс²⁰ видел уголовно-правовое содержание акта лишь сквозь призму желаемости для лица, которое его совершает.

Необходимо осветить и противоположную позицию, которой, в частности, придерживается Дж. Манджафико. По его мнению, признак волевого характера акта является актуальным лишь при отсутствии *mens rea* как основного детерминанта субъективного отношения. Отождествление желаемости и волевого характера поведения лишь усиливает терминологическую путаницу в теории²¹. На первый взгляд с позицией автора следует согласиться. Практически имеет место удвоение субъективного элемента в структуре состава преступления, так как желаемость и волевой характер поведения кажутся вполне синонимичными терминами. Если *actus reus* будет включать в себя волевой признак, то совершение таких действий уже будет в некотором роде обуславливать *mens rea*, в итоге в последней не будет смысла²². Однако в этом и состоит затруднение. Все-таки какую смысловую нагрузку должны нести понятия «желательности» и «волевого характера» поведения? Тем не менее отождествление данных понятий является грубой ошибкой исследователей, так как желаемость совершения действий всегда должна быть сопоставляема с четкими представлениями об их результатах, т.е. лицо всегда знает либо же должно знать о последствиях своего поведения. Волевой же характер действий свидетельствует лишь об осознанности поведения, но не всегда предполагает наличие у лица знания о наступлении возможного результата. Именно в этом, на наш взгляд, и состоит принципиальное различие в обозначенной терминологии. Таким образом, позиция Дж. Манджафико относительно терминологической путаницы не выглядит весомой, так как автор исходит именно из презумпции отождествления

данных понятий, хотя их тождество им вовсе не было доказано.

Второй аргумент автора против наделяния *actus reus* признаками волевого действия выглядит еще более неубедительным. По его мнению, волевой характер поведения устраняет из его содержания действия, полурефлекторные действия, такие как кашель, дыхание и т.д. Данные действия совершаются подсознательно, даже скорее — полусознательно, но при этом могут быть контролируемы²³. Основываясь на этом, автор утверждает, что в теории такие действия будут соответствовать определению *actus reus*, хотя он и соглашается с отсутствием практической ценности подобных наблюдений и выводов. На наш взгляд, приведенные примеры вообще не имеют ничего общего с преступным поведением, а поэтому такие аргументы в принципе не имеют значения для научной дискуссии. Наконец, третий аргумент Дж. Манджафико против включения волевого признака в содержание *actus reus* соприкасается с проблемой ответственности за бездействие.

Бездействие имеет уголовно-правовое значение лишь тогда, когда лицо осознает свою моральную и юридическую обязанность действовать и имеет для этого необходимые возможности. При этом осознание обязанности связано со сложными психическими процессами, которые на самом деле не могут рассматриваться в пределах *actus reus*. Как уже было сказано, примитивный подход к пониманию *actus reus* состоит в сопоставлении телодвижений лица с его желанием добиться определенного результата. В итоге презюмируется исключение всех ситуаций, в которых движения тела были рефлекторными или совершались под влиянием третьей силы. Таким образом, речь идет лишь о контроле сознания над движениями тела, и именно такой психический элемент, на наш взгляд, и является неотъемлемым элементом *actus reus*. В случаях же бездействия психическая деятельность всегда является более сложной, т.е. лицо должно оценить конкретную ситуацию, ее возможные следствия, принять для себя решение удержаться от действий. Бездействие реализуется путем пассивного поведения (например, оставление места происшествия, непредоставление помощи), при этом его волевой характер будет определяться контролем сознания над движениями тела, а точнее — воздержанием от движений, но решение о воздержании от действий однозначно будет входить в пределы *mens*

¹⁸ J. W. Cicil Turner, *Kenny's outlines of Criminal Law*. 18, P. 30 (19th Ed. 1966).

¹⁹ Там же. С. 54.

²⁰ Glanville Williams, *Criminal Law: The General Part* 22 (2d. Ed. 1961)12

²¹ James Mangiafico. Там же. С. 15

²² J.W. Cicil Turner. Там же. С. 53

²³ James Mangiafico. Там же. С. 29.

геа²⁴. В целом же бездействие отличается от действий лишь содержанием конкретных волевых актов. Бездействуя, лицо совершает целиком определенные волевые действия: покидает место происшествия, притворяется, что не видит, безразлично наблюдает за ходом событий и т.д.

Выше были освещены соображения относительно определения центрального элемента *actus reus* сквозь призму волевого характера поведения. Однако в американской уголовно-правовой науке есть и другие концепты. В частности, нельзя обойти вниманием так называемый контролируемый подход (мы будем именовать его поведенческим, что будет точнее передавать сущность). Его основным творцом считается Х. Харт²⁵. Главная идея состоит в смысловом отличии между конструкциями «невозможность сделать иначе» и «отсутствие выбора в определенных обстоятельствах»²⁶. По мнению сторонников этого подхода, уголовное право традиционно по-разному оценивает такие вариации предпосылок к нежелательному поведению. В первом случае не хватает физического контроля над событиями, поэтому возможные действия лица в принципе исключаются из сферы *actus reus*. Автор полагает, что лицо совершает действия лишь тогда, когда оно их контролирует. Если обратить внимание на второй вариант развития событий, т.е. когда у лица отсутствует выбор при определенных обстоятельствах, когда лицо вынуждено совершить противоправные действия под влиянием внешних факторов, то такие действия составляют *actus reus*, однако в определенных обстоятельствах могут считаться оправданными. Таким образом, в пределах поведенческого подхода рефлекторные движения не признаются актами вообще, равно как и факты физического принуждения, когда совершаемые телодвижения определяются действиями других лиц, а не сознанием принуждаемого. В то же время неразумно было бы не признавать актами действия, совершенные в состоянии крайней необходимости или под принуждением, несмотря на то, что способность к выбору между законным и незаконным поведением была существенно ограничена²⁷.

²⁴ В частности, такое определение бездействия поддерживается У. Ла-Фейвом и О. Скоттом — La Fave W.R., Scott, Jr., A. W. Op. Cit. P. 202.

²⁵ H.L.A. Hart. Acts of will and responsibility in punishment and responsibility 100 (1968).

²⁶ Michael Corrado. Is there an act requirement in the Criminal Law?, 142 U. Pa. L. Rev. 1529, 1538-44(1994)

²⁷ James Mangiafico. Там же. С. 30.

Таким образом, приведенные выше подходы различаются формами связи сознания лица и его поведения. Если мы обратимся к волевому подходу, то он безраздельно связан с управлением сознательных и подсознательных движений головным мозгом. В поведенческом подходе акцент перенесен на возможность выбора между совершением разных движений, а в результате — выбора вариации поведения.

Вместе с тем теоретические различия между волевым и поведенческим (контролируемым) подходами в американской уголовно-правовой науке обоснованы довольно слабо. На наш взгляд, способность лица осознавать характер своих действий и надлежащим образом руководить ими уже предопределяет возможность избирать варианты своего поведения. Можно прийти к выводу, что каждый волевой акт является контролируемым, а каждый контролируемый акт — волевым. Таким образом, спор о природе акта лишен рациональности, так как рассматриваемые понятия довольно сложно различимы.

Кроме того, возникает и другой вопрос относительно поведенческого подхода: как оценивать поведение лица, если возможность выбора ограничена субъективными факторами, например недостаточной информированностью, в результате чего будет избран потенциально опасный вариант действий? Стало быть, если лицо не имело выбора, то значит, что оно не контролировало свои действия? Вряд ли это в полной мере справедливо, однако в указанном контексте можно прийти именно к таким выводам. Далее, если лицо избирает поведение из нескольких вариантов, то за что может быть наказано: за ненадлежащий выбор или за само противоправное поведение? На наш взгляд, излишнее теоретизирование и сравнение как примитивного, так и волевого, а равно и поведенческого подходов к определению *actus reus* ввергает лишь в дебри софистской аргументации, не имея под собой ни малейшей практической ценности и значимости. Следует заметить, что американские авторы по непонятной причине уделяют чрезмерно много внимания данным вопросам, в итоге не могут сдвинуться с «мертвой точки», плотно застряв в «болоте» теории.

Как уже было сказано, бездействие как способ совершения *actus reus* также порождает некоторые противоречия в науке. В элементарном виде бездействие можно понимать как сквозь призму воздержания от определенного поведения, так и в проявлении активного поведения. Например, М. Мур характеризует акт как «вид мускульного движения и ничто боль-

ше», поэтому понимает бездействие как невыполнение определенных действий или же фиаско выполнить определенные действия²⁸. Согласно идеям Мура основной задачей actus reus является гарантия непривлечения к ответственности за мысли, а также препятствие наказанию за бездействие²⁹. Если способ бездействия не имеет существенного практического значения, то принципиальный вопрос ответственности за бездействие остается в американском праве более чем актуальным. Законодательство США довольно лояльно относится к пассивному общественно негативному поведению лица; фактически ответственность за бездействие может наступать лишь, если оно является непосредственным способом совершения actus reus определенного преступления. Например, лишение жизни лица, которое было похищено и оставлено без воды и пищи, если при этом виновный желал или сознательно допускал наступления смерти жертвы. Но в данном случае бездействие играет роль второго плана, прежде всего преступление было выполнено действиями, т.е. лицо было похищено и лишено возможности получать питание. Такое бездействие является разновидностью действий по лишению жизни другого человека, поэтому их уголовная противоправность не будет вызывать сомнений ни с позиций теории, ни практики. Уголовное право США несомненно признает противоправность бездействия, связанного с невыполнением родительских обязанностей и других обязанностей, предусмотренных законом или судебными решениями. Также ответственность наступает в случае непредоставления помощи пострадавшему в результате противоправных действий (смерть пострадавшего предопределяет обвинение в неумышленном или даже в умышленном убийстве). Однако весьма дискуссионной остается проблема ответственности за оставление другого лица в опасном для жизни состоянии.

Необходимо упомянуть так называемую доктрину «доброго самаритянина», истоки которой восходят к библейской легенде о бескорыстной помощи в качестве примера надлежащего поведения. Библия акцентирует внимание на моральной обязанности каждого лица помогать находящимся в затруднительном положении, особенно если речь идет о жизни или смерти. С позиций же уголовного права вопрос состоит в юридической обязанности лица ока-

зать помощь в экстренных ситуациях, а также в ответственности за ее непредоставление. В целом можно говорить об абсолютной и относительной обязанности действовать в таких ситуациях. Абсолютная обязанность, на наш взгляд, предусматривает долг любого лица приложить максимальные силы (насколько это объективно возможно) для отвращения или преодоления опасной для жизни или здоровья ситуации, в которой оказалось другое лицо: лично устранить факторы риска и сделать все возможное для минимизации последствий. Относительная обязанность оказать помощь сводится как минимум к необходимости уведомления компетентных служб или правоохранительных органов о существующей опасности. При этом действий сугубо информационного характера будет достаточно с юридических позиций, независимо от возможности лица оказать более эффективную немедленную помощь лично.

Относительная обязанность оказывать помощь предопределяется высокой общей культурой развитого общества, что обуславливает моральные обязательства его членов к взаимопомощи и содействию как к единственному возможному поведению. Американское общество считается высокоразвитым и ценностно ориентированным в первую очередь самими американцами. Вместе с тем практика порой свидетельствует об обратном. Так, 25 мая 1997 г. двое 18-летних подростков Д. Кэш и Дж. Строймейер играли в «прятки» с семилетней Ш. Иверсон в здании казино, штат Невада³⁰. В ходе игры Иверсон забежала в женскую уборную, за ней последовал Строймейер. Спустя некоторое время туда заглянул и Кэш, при этом он увидел, как его товарищ душит девочку. Кэш сделал минимальную попытку остановить Строймейера — в мягкой форме напомнил ему, что он мог убить Иверсон, и этого не следовало бы делать. Но Строймейер не обратил на совет никакого внимания, после чего Кэш удалился, а Строймейер додушил свою жертву. За умышленное убийство он был осужден к пожизненному лишению свободы, вопрос же о привлечении Кэша к уголовной ответственности вообще не поднимался. Сам же Д. Кэш пояснял свой поступок нежеланием вмешиваться «не в свое дело», хотя имел возможность повлиять на ситуацию без какого-либо риска.

Американское законодательство предпочитает закрывать глаза на попустительство преступному поведению и безразличие ценности человеческой жизни со стороны «на-

²⁸ Michael S. Moore, Act and crime: The philosophy of action and its implications for Criminal Law 18 (1993) 10.

²⁹ Michael S. Moore. Там же. С. 17.

³⁰ Nora Zamichow, The fractured life of Jeremy Strohmeyer, L.A. Times, July 19, 1998, At A1.

блюдателей». В настоящее время уголовное законодательство лишь четырех штатов предусматривает ответственность за неоказание помощи при угрозе жизни (Миннесота, Род Айленд, Вермонт и Висконсин). Согласно законодательству других административно-территориальных единиц США такие действия не создают состава преступления³¹. В итоге доктрина «доброе самаритянина» не находит широкой поддержки как среди представителей законодательной власти, так и представителей науки. Объяснить такое положение вещей можно лишь с учетом чрезмерного индивидуализма, присущего человеческим взаимоотношениям в западных общественно-политических формациях, хотя данные общества и предполагают высокий уровень личной и коллективной культуры.

Как уже было сказано, М. Мур видит значение *actus reus*, в частности, в том, чтобы исключить возможность ответственности за бездействие³². Аргументы Мура сводятся к следующему: во-первых, он определяет бездействие как воздержания от совершения движения (в целом — как воздержание от совершения акта). Другие концепции бездействия, по его мнению, не выдерживают критики. Во-вторых, он утверждает, что бездействие само по себе ничего не причиняет, т.е. не ухудшает ситуацию, попросту не изменяет ничего к лучшему³³. В-третьих, автор полагает, что предписание действовать сужает круг прав личности, фактически принуждая ее к тому, что по своей воле она делать не намеревается. По его мнению, на практике сложно различить случаи, когда бездействие следует считать преступным, а когда — нет. На наш взгляд, приведенная позиция является слабой как с философских, так и с юридических позиций, а также с позиций морали современного развитого общества.

В своих доводах М. Мур старается устранить причинную связь, точнее, ее предпосылки. В самом деле, отсутствие действий как таковых не изменяет ровным счетом ничего в цепи причинности, т.е. развитие событий продолжает происходить по определенному сценарию, к которому посторонний наблюдатель как бы абсолютно непричастен. Хотя Мур признает существование преступлений, которые совершаются воздержанием от совершения определенных действий, например уклонение от уплаты налогов. Другими

словами, так или иначе, но ему приходится признавать активный характер бездействия в уголовно-правовом смысле. В свете изложенного концепция бездействия М. Мура не выдерживает критики. Если обратиться к сугубо моральным аспектам непредоставления помощи, то приходится снова не согласиться с утверждением автора об отсутствии потенциальной опасности пассивного поведения. В случае наступления тяжелых последствий в результате безучастия к опасному для жизни и здоровья положению причинная связь между бездействием и наступившим вредом прослеживается весьма четко. Мы можем рассматривать факторы, которые создали опасность, как предпосылки первоначальной причинной связи. При этом нет разницы, были ли эти факторы связаны с противоправными действиями либо же возникли в результате стечения определенных обстоятельств. Бездействие лица, имевшего возможность предоставить помощь, является предпосылкой производной причинной связи в контексте наступивших тяжких последствий. Такие обстоятельства как бы прерывают первоначальную причинную связь и уже самостоятельно обуславливают наступление последствий. Впрочем, такое утверждение также не безупречно, оно фактически устраняет первоначальную опасную ситуацию из цепи причинности. В любом случае первоначальная и производная связи при бездействии примерно в равной степени обуславливают наступление негативного результата. Данные причинные связи существуют параллельно и одновременно ведут к идентичному результату.

В целом же позиция М. Мура является слабой; право, в частности уголовное, всегда облакает лицо обязанностями и требует выполнения определенных действий. Обязанность уплаты налогов самим же Муром признается как требование действовать, при этом не рассматривается как существенное ограничение свободы выбора поведения. На наш же взгляд, требование закона предоставить требующуюся помощь сужает свободу выбора поведения не более необходимости уплаты налогов.

Впрочем, М. Мур далеко не единственный, кто пытается обосновать подобный эгоистичный подход в науке. Аналогичных позиций придерживаются Дж. Флетчер, В. Ла-Фейв, Х. Харт и многие другие исследователи. Более того, именно этот подход к решению вопроса об ответственности за непредоставление помощи является доминирующим в системах законодательства США, что целиком подтверждается незначительным количеством юрисдикций,

³¹ Ken Levy. Killing, letting die and the case for mildly punishing bad Samaritanism. 44 Ga. L. Rev. 607. — p. 5.

³² Michael S. Moore, Act And Crime: The Philosophy of action and its implications for Criminal Law 18 (1993) 17.

³³ Michael S. Moore. Там же. С. 28.

где подобное пассивное поведение криминализовано.

Некоторые исследователи, в частности К. Симмонс и К. Леви, которые осуществили попытки противопоставить «официальной мысли» свои контраргументы, по обыкновению апеллируют сугубо к моральным аспектам поведения, однако ничего не могут доказать с юридических позиций. К. Леви пытается обосновать формулу «убить или дать умереть»³⁴, сопоставляя и уравнивая такие варианты. С позиций здравого смысла и человечности, подобные аргументы вполне очевидны, однако их доказательный вес недостаточен: автор не справляется с задачей научного обоснования приведенного им тождества. В целом в американской научной литературе проблема ответственности за бездействие активно обсуждается, всячески акцентируется внимание на опасности пассивного поведения, однако в трудах специалистов не усматривается конкретных выводов относительно путей ее разрешения.

Что же касается бездействия как содержания *actus*, то природа таких актов целиком охватывается поведенческой моделью. Некоторый примитивизм в теории привел к игнорированию потенциально опасного бездействия со стороны закона. Примеры из жизни свидетельствуют, что даже медицинские работники избегают привлечения к уголовной ответственности в случаях непредоставления неотложной помощи³⁵. Впрочем, новейшие тенденции в законодательстве говорят об определенном сдвиге в отношении к проблеме: через определенный промежуток времени ситуация может коренным образом измениться. Как минимум четыре штата криминализировали неказание помощи при угрозе жизни. Вероятнее всего, законодательный курс в данном направлении будет выдерживаться и в дальнейшем.

Вторым основополагающим составным элементом в структуре состава преступления в американской традиции уголовного права является *mens rea*. Историческое развитие концепций *mens rea* и *actus reus* происходило последовательно, однако его продолжительность определяется разными временными промежутками. Если *actus reus* имеет чуть более чем двухвековую историю, то история *mens rea* ведет свое начало из Средневековья.

Mens rea как показатель субъективного отношения к преступному поведению доволь-

но узко и односторонне трактовалось в доктринальных работах юристов и на практике. Субъективное отношение охарактеризовывалось сквозь призму злобности (словосочетание, которое широко фигурирует в англо-американской юридической литературе — *abandoned and malignant heart*, т.е. дословно — «пропавшее и злобное сердце»; речь идет о преступном настроении ума). Наилучшим показателем злобного настроения ума, конечно, был сам факт совершения преступления. Последний детерминировал наличие *mens rea*, хотя с позиций современной юридической мысли данная последовательность должна быть обратной. В результате наличие *actus reus* практически во всех случаях создавало и *mens rea*. Традиционно исключения можно было обнаружить в нескольких ситуациях, когда не могло существовать преступного намерения при отсутствии самого *actus reus* (например убийство преступника в ходе самообороны), либо если лицо не имело и не могло иметь преступного настроения ума (например совершение убийства душевнобольным или малолетним). В остальных ситуациях наличие *mens rea* попросту презюмировалось наличием наказуемого акта.

Концепция *mens rea*, основывающаяся на аморальности поведения преступника, получила в науке название *mens mala*. В целом такой подход основывался на иудейско-христианских принципах нравственности³⁶. Преступлениями исконно считались аморальные и «злые» действия вследствие их негативной природы.

Необходимо отдельно отметить весомый вклад в исследование общей теории *mens rea* в англо-американском праве, сделанный российским ученым Г. Есаковым. Его авторству принадлежит систематизация ключевых понятий и концептов в теории исследуемого вопроса. Кроме концепции *mens mala*, Г. Есаков обосновывает концепцию *mentes reaе*, которую считает следующим этапом развития теории *mens rea* в доктрине уголовного права США³⁷. Вместе с тем *mentes reaе* не следует считать сугубо американским достоянием. *Mentes reaе* является множественностью *mens rea* как в лингвистическом, так и в сугубо юридическом смысле. Если *mens mala* связывается с аморальностью поведения, то *mentes reaе* характеризует множество вероятных вариантов проявления личного отно-

³⁶ R.M. Perkins & R. N. Boyce, *Criminal Law* 828-34 (3d. Ed.1982).

³⁷ Есаков Г.А. Англо-американское уголовное право: эволюция и современное состояние общей части. М., 2007. С. 202–203.

³⁴ Ken Levy. Там же. С. 5–6.

³⁵ Jim Dwyer. After a death seen on tape change is promised. N.Y. Times, July 12, 2008, At B1;

шения преступника к своим действиям и их последствиям.

К сожалению, в этом вопросе англо-американскому праву присуща хаотичность, которая порой возводится в степень. Американское уголовное право целиком переняло плюрализм форм *mens rea*, которые проявлялись в множественных квазиправовых формулах «целенаправленно», «со знанием», «с верой», «со злым умыслом», «с желанием», «неосмотрительно», «неосторожно» и т.д. В результате определения конкретных форм *mens rea* (т.е. конкретного вида *mentes reaе*) можно было найти исключительно в доктринальных источниках. Ясно, что в работах разных авторов могли быть найдены совершенно различные варианты толкования. Что же касается уголовного законодательства, то американские уголовные кодексы XIX — первой половины XX вв. также предусматривали неограниченное многообразие *mentes reaе*, однако еще больше внушал опасения практический аспект проблемы: волюнтаристское толкование психо-волевых состояний со стороны судей и присяжных.

Можно полагать, что в XX в. американская теория *mens rea* в находилась в постоянной стагнации. Более того, не таким уж преувеличением было бы предположить ее отсутствие как таковой; теорией считается обоснованная система взглядов, в данном же конкретном случае о какой-либо системности говорить неуместно. Однако наперекор всей своей теоретической нелогичности теория *mens rea* все же существует, хотя и является чрезмерно «размытой» в пределах американской правовой доктрины. Впрочем, для этого находились объективные причины. Нельзя списывать со счетов многовековое наследие научной мысли и судебной практики, которым всегда не хватало упорядоченности и системности, однако в количестве составных элементов никогда не было недостатка.

На современном этапе развития юридической мысли концепты *mens rea* понимаются минимум в двух своих проявлениях: в узком и широком смысле. Так, широкое понимание является синонимичным теории *mens rea* и связывается с доктринальными источниками, системой видов психоволевого отношения к преступному поведению, условиями, при которых ответственность исключается (*excuses and defenses*). Узкое же понимание *mens rea* всегда сводится к характеристике конкретного психоволевого отношения лица к совершаемым преступным действиям.

Современная американская уголовно-правовая наука отказалась от видения в

mens rea аморальности поведения, однако такое утверждение было бы весьма неосновательным относительно уголовного законодательства штатов. Легислатуры последних действуют довольно консервативно в плане изменения существующей системы либо же вообще предпочитают оставлять данную сферу достоянием общего права.

Впрочем, переломный момент в истории развития доктрины *mens rea* все же состоялся, и связывается он с выходом в свет в 1962 г. первого варианта Модельного уголовного кодекса, разработанного Американским институтом права в 30–60 гг. прошлого века.

Вклад Модельного уголовного кодекса в доктрину *mens rea* неоценим. Кодекс предлагал отказаться от большинства традиционных форм проявления *mens rea* (в смысле форм психоволевого отношения) и вместо них использовать лишь четыре. Вместе с тем понимание данных форм принципиально по-разному проявляется в научных позициях. Так, Г. Есаков подвергает жесткой критике позицию относительно отождествления форм *mens rea* Модельного уголовного кодекса с формами вины, именуя их «элементами виновности»³⁸. Напротив, преобладающее большинство российских исследователей американского права считают их именно формами вины³⁹.

Позиция ведущего американского специалиста по Модельному уголовному кодексу П. Робинсона является довольно определенной: «... творцы Модельного уголовного кодекса заменили понятие *mens rea* понятием виновности», «... предусмотренные Кодексом психические элементы получили название «видов виновности»⁴⁰. Кроме того, название секции 2.02 Кодекса целиком свидетельствует о том же самом⁴¹.

Как же все-таки следует понимать суть данных психоволевых форм отношения к преступному поведению? Авторы Кодекса остановились на следующих четырех видах виновности: целенаправленности, осведомленности, самоуверенности и небрежности⁴². Следует отметить, что П. Робинсон пишет об «уровне виновности», имея в виду определенную иерархию форм психоволевого отношения.

Общеизвестен факт, что уголовно-правовая доктрина постсоветских стран выделяет

³⁸ Есаков Г.А. Указ. соч. С. 202–203.

³⁹ Напр., см.: Никифоров Б.С., Решетников Ф.М. Современное американское уголовное право. М., 1990. С. 44–50.

⁴⁰ P. Robinson. *Mens Rea*... P. 995.

⁴¹ American Law Institute, *Model Penal Code and Official Commentaries*. Philadelphia, 1985.

⁴² Там же.

понятие «содержание вины», по сути, являющееся синонимом с предметом нашего внимания. К содержанию вины относят совокупность интеллектуальных и волевых признаков либо элементов. Определенная совокупность этих элементов и обуславливает наличие той или другой формы.

Таким образом, само понятие элементов виновности совпадает с внутренней структурой или содержанием виновности. Поскольку формы вины являются определенным соединением психоволевых элементов (условно — элементов виновности), то они соотносятся как целое и часть. Если же обратиться к конструкциям *mens rea* в Модельном уголовном кодексе, то следует, что целенаправленность, осведомленность, самоуверенность и небрежность являются именно формами вины, а не элементами виновности, ведь они сами состоят именно из таких элементов.

Как уже было отмечено, формы вины, или же уровни виновности⁴³ (цитируя по П. Робинсону), обоснованные авторами Модельного уголовного кодекса, в полной мере совпадают по смыслу и содержанию со своими прямыми аналогами в уголовно-правовой доктрине большей части постсоветских государств. Целенаправленность отвечает прямому умыслу: лицо понимает характер своих действий и желает наступления определенного результата (т.е. достижения определенной цели). В случае с осведомленностью аналогом выступает косвенный умысел, так как лицо знает о возможных последствиях своего поведения, однако их сознательно игнорирует. Что же касается самоуверенности и небрежности, то эти формы вины совпадают со своими аналогами даже терминологически.

Фактически формы вины Модельного уголовного кодекса не имеют ничего общего с теорией *mens rea*. Неоспоримым является то, что авторы Кодекса использовали иностранный опыт при разработке своей концепции, в частности наиболее плодотворно был заимствован законодательный опыт государств романо-германского права. Кроме того, в тексте Кодекса само понятие *mens rea* не фигурирует, оно заменено более конкретным термином «виновность». По задумке авторов, виновность занимала место *mens rea* в казуальном понимании, однако никто не оспаривал значение *mens rea* на доктринальном уровне.

В Модельном кодексе понятие *mens rea* полностью лишилось признака аморальности поведения. В суде уже не надо было доказывать «злые» намерения лица относительно со-

вершения преступления⁴⁴. Положения Кодекса акцентировали внимание на осведомленности лица о характере совершенного поведения, а также на предвидении наступления последствий в результате него⁴⁵. Безусловно такой подход более прогрессивен. Аморальность поведения является социальной производной от юридического содержания поведения (особенно если учесть, что некоторые криминализированные деяния в представлениях обывателей не противоречат нормам общественной морали). Кроме того, «злонамеренность» поведения далеко не всегда совпадает с содержанием вины, сам факт деструктивного поведения еще не свидетельствует о наличии обоснованного психоволевого отношения к возможным, но маловероятным последствиям (например, когда потерпевший, спасаясь от наносимых побоев, выпрыгивает в открытое окно и др.) Учитывая классическую концепцию *mens mala*, преступного состояния ума вполне достаточно для обвинения лица в наступлении любого вреда, так или иначе связанного с совершением преступного (аморального) деяния. Наиболее ярким воплощением такого подхода является правило *felony murder rule*, по которому ответственность наступает за любую смерть, хотя бы самым незначительным образом связанную с совершением иного тяжкого преступления.

К инновациям Кодекса в вопросах состава преступления также следует отнести концепцию «элементного анализа», призванную заменить собой традиционный «анализ преступления»⁴⁶. Фактически речь идет о том, что в пределах теории *mens rea* и общего права существовал плюрализм составов аналогичных преступлений, которые различались лишь по признакам вины. Или же иначе — закон прямо не предусматривал определенной формы вины, поэтому решение вопроса оставалось практикам. В любом случае наличие значительного количества психоволевых состояний чрезвычайно усложняло правильное и единообразное применение закона. Подход «элементного анализа» был призван перенести акцент на четкую регламентацию признаков виновности для каждого преступления, конструирование составов с альтернативными формами вины, что вместе упрощало законодательство и ликвидировало судебный волюнтаризм в оценке *mens rea*.

⁴³ P. Robinson, *Mens Rea*. С. 995.

⁴⁴ P.W. Low & J.L. Hoffmann, *Federal Criminal Law* 6-8 (1997).

⁴⁵ H. Wechsler, *The challenge of a Model Penal Code*, 65 *Harv. L. Rev.* 1097 (1952).

⁴⁶ Robinson P.H., Grall J.A. *Op. Cit.* P. 687; Есаков Г.А. Указ. соч. С. 254.

По своему существу «элементный анализ» являлся непосредственным аналогом формально-юридического анализа состава преступления в процессе его квалификации. Однако такой анализ ограничивается лишь совокупностью психовольных элементов, *actus reus* при этом лишь презюмировался. Не следует обходить вниманием и то, что англо-американское уголовное право основывается на двухэлементной системе состава преступления, из сферы внимания которой выпадает немалое количество признаков, имеющих принципиальное значение для полноценной квалификации преступного поведения. В этом вопросе авторы текста Модельного уголовного кодекса проявили себя консерваторами, не отважились на радикальные изменения самой теории *corpus delicti*.

Консультативный статус Кодекса оставил ему участь доктринального источника и примера для дальнейшего единообразного развития американского права. Внедрение же новаций в жизнь целиком зависело от воли представителей легислатур штатов. На практике подобной «ратификации» Кодекса не произошло. Лишь половина штатов приняла новые уголовные кодексы в последующие десять лет, которые хоть и основывались на идеях Модельного уголовного кодекса, но были чрезмерно далеки от его потенциальных копий⁴⁷. И что самое главное: Кодекс так и не стал основой федерального законодательства, хотя это и была первоочередная цель его создания⁴⁸. Тем более, что все три попытки кодификации федерального уголовного законодательства провалились, и оно до сих пор остается собранием текстов, расположенных в алфавитном порядке⁴⁹.

Теория виновности Кодекса также оказалась слишком передовой в практическом смысле, хотя все же имела определенное влияние на новое законодательство штатов⁵⁰. В частности, «аморальная» первооснова *mens rea* была благополучно реинкарнирована во всех без исключения случаях. В новом уголовном законодательстве большинства

штатов были предусмотрены ее дополнительные формы, например совершение преступления по заранее созданному плану⁵¹. Верховный Суд США использует в своей практике еще два аналога форм вины: «желаемость», а также «подлежащее ответственности отношение»⁵².

В результате доктрина *mens rea* сохраняла свое место в американском праве, хотя и существенно сдала свои позиции. Несмотря на четкую структуру новой теории вины, суды продолжали применять концепцию «аморальности» в случаях, когда закон не конкретизировал вину⁵³, хотя имели место случаи, когда доктринальные положения Модельного уголовного кодекса непосредственно использовались судами вместо норм общего права или устаревшего уголовного законодательства⁵⁴.

Несмотря на изрядный консерватизм, в научной литературе США периодически встречаются работы радикальной реформистской направленности. Как уже отмечалось, одной из таких работ была статья П. Робинсона «Должно ли уголовное право отбросить различия между *actus reus* и *mens rea*?»⁵⁵. По мнению автора, данные категории являются весьма абстрактными и существуют лишь условно с целью объединения в себе определенных групп признаков состава преступления. По убеждению П. Робинсона, именно эти признаки имеют практическое значение и должны непосредственно применяться практиками без обращения к сложным теоретическим конструкциям. Такой подход полностью находится в плоскости концепции «элементного анализа состава преступления» — творения создателей Модельного уголовного кодекса и самого П. Робинсона в том числе. П. Робинсон старался обосновать свое видение системы состава преступления в американском праве будущего, его работы действительно заслуживают высокой оценки с учетом их новаторского характера. Впрочем, предложенный им путь вряд ли мог способствовать разрешению теоретических спо-

⁴⁷ P. Robinson. M. Dubber. An Introduction to the Model Penal Code. — p. 5.

⁴⁸ См. работы П. Робинсона In a defense of Model Penal Code: A reply to professor Fletcher // Buffalo Criminal Law Review. Vol. 2. 1998; P. Robinson, M. Cahill. Can a Model Penal Code Second save the States from themselves? // 25 Brooklyn Law School Legal Studies Research Papers Series.

⁴⁹ P.W. Low & J.L. Hoffmann. Federal Criminal Law 6-8 (1997).

⁵⁰ Примером может служить Уголовный кодекс штата Колорадо, созданный «по мотивам» Модельного уголовного кодекса. The Colorado Revised Statutes/Title 18- Penal Code.

⁵¹ W.R. La Fave, Criminal Law §7.7 (3d Ed. 2000).

⁵² Дж. Милер цитирует дело United States V. Park, 421 U.S. 658 (1975) в качестве примера создания судом нового вида виновного отношения к действиям *ad hoc*. Так же см.: Jeremy M. Miller. Mens Rea quagmire: The conscience or consciousness of the Criminal Law? 29Western State University Law Review 21(2001). — p. 6.

⁵³ Есаков Г.А. Указ. соч. С. 262–263.

⁵⁴ Там же. С. 260

⁵⁵ P. Robinson, Should the Criminal Law Abandon the Actus Reus-Mens Rea Distinction? An offprint from Criminal Law: Action, Value and Structure, S. Shute, J. Gardner, J. Horder, eds., pp. 187-211, Oxford University Press, 1993.

ров, а напротив, — лишь ухудшал ситуацию в этом направлении. Так, Робинсон привязывал элементы состава преступления к функциям уголовного права: декларативной, карательной и разграничительной. Вместо традиционных *actus reus* и *mens rea* автор вводит две группы «доктрин»⁵⁶, которые характеризуют объективные и субъективные элементы состава преступления. К первой группе относятся: а) противоправный акт как проявление объективной реальности; б) условие волевого характера преступного поведения; в) альтернативные вариации совершения акта — бездействие или владение запрещенными предметами; г) дополнительные факторы — поведение, обстоятельства, результат⁵⁷. Вновь встает вопрос относительно терминологии: названные элементы никак нельзя считать доктринами. Речь может идти лишь о том, что каждый из них (элементов) основывается на определенных теоретических наработках, сам же термин «доктрина» при этом должен употребляться как можно осторожнее. Аналогичная ситуация имеет место с элементами второй, т.е. «субъективной» группы.

Таким образом, теоретические споры американских ученых относительно проблем состава преступления касаются лишь вопросов формы, но не содержания. Проблемные же аспекты остаются за границами внимания широкого научного сообщества. Так, до сих пор не решен вопрос ответственности за бездействие — ни на доктринальном, ни на законодательном уровнях. Отсутствие единого стандарта ставит под угрозу универсальность уголовно-правовой доктрины в американском праве; порой возникает впечатление, что ее как явления просто не существует. Бесконечная совокупность сложностей обнаруживается в извечном споре вокруг *mens rea*, однако это практически никак не совершенствует практику правоприменения. Данная дискуссия давно превратилась в спор ради спора. Концепция состава преступления должна выполнять свою основную задачу — обеспечивать правильную и универсальную квалификацию преступлений, но с этой задачей, к сожалению, уголовное право США не справляется.

По нашему мнению, двухэлементной структуре состава преступления в англо-американском праве чрезвычайно недостает определенных признаков, без которых дан-

ное универсальное основание уголовной ответственности имеет незаконченный вид. Проведя несложное сравнение с «традиционным» для континентального права четырехэлементным составом преступления, можно прийти к таким выводам:

а) объект преступления. Следует признать, что выделение объекта преступления является целесообразным лишь в пределах кодифицированных по пандектной схеме системах уголовного законодательства. Объект фактически является техническим элементом состава преступления, хотя во многих случаях его значения для правильной квалификации действий нельзя недооценивать. Американское уголовное законодательство отличается хаотичностью, но вместе с тем в нем нет существенной проблемы конкуренции общих и специальных норм, что объясняется отнесением направленности посягательства к сфере *actus reus*, а также минимизацией повторной криминализации аналогичного поведения в других составах преступлений.

Значение предмета преступления в американском праве также нельзя считать существенным. Уголовное законодательство штатов в значительно меньшей степени дифференцирует ответственность лиц в зависимости, например, от размера материального вреда, причиненного совершением преступления. Существенно большее значение отводится способу и обстоятельствам совершения преступления, а также другим объективным элементам;

б) объективная сторона, или *actus reus*. В целом общепринятое понятие и структура объективной стороны состава преступления максимально близко соотносятся с концепцией *actus reus*. Однако последняя акцентирует внимание именно на действии, оставляя где-то в стороне причинную связь и объективные признаки уголовно-противоправного акта, которые существуют сами по себе, фактически вне структуры. В результате *actus reus* теоретически не учитывает чрезвычайно важные признаки, хотя на практике им и уделяется необходимое внимание;

в) субъект преступления. Этот важный элемент состава преступления полностью игнорируется в американской уголовно-правовой доктрине. Во-первых, американское право исторически допускало привлечение к ответственности животных, такие случаи имели место даже в прошлом столетии. Во-вторых, в качестве надлежащих субъектов признаются юридические лица. И наконец, возраст уголовной ответственности чрезмерно различается в разных юрисдикциях США. Невменяемость лица также не является осно-

⁵⁶ Следует еще раз указать на терминологическую путаницу вокруг понятия доктрины в американской юридической литературе. Так, под доктринами подразумевают как концепции, теории, отдельные позиции, так и целые институты законодательства.

⁵⁷ P. Robinson. Там же. С. 190–198.

ванием, которое исключает наличие состава преступления как такового. В результате признаки субъекта преступления в полной мере игнорируются, что не может не вызвать определенного беспокойства;

г) есть основания полагать, что субъективная сторона, или *mens rea*, была «избалована вниманием» в американской научной литературе. Вместе с тем плюрализм форм вины усложняет применение закона, а новаторские положения Модельного уголовного кодекса не были реализованы согласно замыслам его авторов. В результате уголовно-правовая доктрина США получила то, что сами же американские авторы не стесняются именовать «непроходимым болотом *mens rea*».

Приведенный анализ свидетельствует против американской модели состава преступления. Его концепция нуждается в существенной доработке, точнее — в коренной переработке. Необходимый результат будет получен лишь после перехода научной дискуссии с уровня

глубокого теоретизирования на реальные проблемы правоприменения. Так, природа преступных действий, этические проблемы ответственности за бездеятельность, аморальность поведения и его соотношение с определенным настроением ума имеют чрезмерно малую практическую ценность. В этом и заключается одна из проблем американской уголовно-правовой доктрины: существует безмерный плюрализм научных позиций, однако отсутствует их актуальность либо же они выполняют преимущественно декларативную функцию, обозначая проблему, не предлагая четких вариантов ее решения. Концепция *corpus delicti* является неполной, устаревшее деление на *actus reus* и *mens rea* не позволяет включить в структуру ряд важных элементов, на первом месте из которых бесспорно находится субъект преступления. В итоге лишь комплексное переосмысление юридической доктрины сможет приблизить теорию к практике и обеспечить современные потребности правоприменения.

Библиография:

1. Есаков Г.А. Англо-американское уголовное право: эволюция и современное состояние общей части. — М., 2007.
2. Никифоров Б.С., Решетников Ф.М. Современное американское уголовное право. — М., 1990.
3. A. Lynch, *The Mental element in The Actus Reus*, 98 L. Q. Rev. (1982).
4. American Law Institute, *Model Penal Code and Official Commentaries*. Philadelphia, 1985.
5. Arnold N. Enker, *Impossibility in criminal attempts-legality and the legal process*, 53 Minn. L. Rev. (1969).
6. Douglas N. Husak, *The Orthodox model of the criminal offense*, 10 Crim. Just. Ethics (1991).
7. George Fletcher, *On the moral irrelevance of bodily movements*, 142 U. Pa. L. Rev. (1994).
8. George P. Fletcher, *Rethinking Criminal Law* (1978).
9. Glanville Williams, *Criminal Law: The General Part* (2d. Ed. 1961).
10. H.L.A. Hart, *Acts of will and responsibility in punishment and responsibility* (1968).
11. H. Wechsler, *The challenge of a Model Penal Code*, 65 Harv. L. Rev. (1952).
12. Herbert Morris, *Punishment for thoughts, guilt and innocence: Essays in legal philosophy and moral psychology* (1989).
13. J.W. Cicil Turner, *Kenny's outlines of Criminal Law*. 18, (19th Ed. 1966).
14. James Mangiafico, *The Independence Of Actus reus* (2011).
15. Jeremy M. Miller, *Mens Rea quagmire: The conscience or consciousness of the Criminal Law?* 29 Western State University Law Review (2001).
16. Jim Dwyer, *After a death seen on tape change is promised*. N.Y. Times, July 12, 2008, At B1;
17. John Austin, *Lectures On Jurisprudence* (4th Ed. 1873).
18. Ken Levy, *Killing, letting die and the case for mildly punishing bad Samaritanism*. 44 Ga L. Rev. 605.
19. Michael Corrado, *Is there an act requirement in the Criminal Law?*, 142 U. Pa. L. Rev. (1994).
20. Michael Gorr, *The Actus Reus requirement: A qualified defense*, 10 Crim. Just. Ethics (1991).
21. Michael S. Moore, *Act And Crime: The philosophy of action and its implications for criminal Law* (1993).
22. Nora Zamichow, *The fractured life of Jeremy Strohmeier*, L.A. Times, July 19, 1998, At A1.
23. Oliver Wendell Holmes, *The Common Law* (1881).
24. P. Robinson, M. Cahill, *Can a Model Penal Code Second save the States from themselves?* // 25 Brooklyn Law School Legal Studies Research Papers Series P. Robinson. In a defense of Model Penal Code: A reply to Professor Fletcher // Buffalo Criminal Law Review. — Vol. 2. — 1998.
25. P. Robinson. M. Dubber, *An Introduction to the Model Penal Code*.

26. P. Robinson, Mens Rea.
27. P. Robinson, Should the Criminal Law Abandon the Actus Reus-Mens Rea Distinction? An offprint from Criminal Law: Action, Value and Structure, S. Shute, J. Gardner, J. Horder, eds., Oxford University Press, 1993.
28. P.W. Low & J.L. Hoffmann, Federal Criminal Law (1997).
29. R.M. Perkins & R.N. Boyce, Criminal Law (3d. Ed.1982).
30. Sir William Blackstone, Commentaries on the Laws of England, Book IV, (10th Ed. 1787).
31. W.R. La Fave, Criminal Law (3d Ed. 2000).

References (transliteration):

1. Esakov G.A. Anglo-amerikanskoe ugovnoe pravo: evolyuciya i sovremennoe sostoyanie obshei chasti. — M., 2007.
2. Nikiforov B.S., Reshetnikov F.M. Sovremennoe amerikanskoe ugovnoe pravo. — M., 1990.
3. A. Lynch, The Mental element in The Actus Reus, 98 L. Q. Rev. (1982).
4. American Law Institute, Model Penal Code and Official Commentaries. Philadelphia, 1985.
5. Arnold N. Enker, Impossibility in criminal attempts-legality and the legal process, 53 Minn. L. Rev. (1969).
6. Douglas N. Husak, The Orthodox model of the criminal offense, 10 Crim. Just. Ethics (1991).
7. George Fletcher, On the moral irrelevance of bodily movements, 142 U. Pa. L. Rev. (1994).
8. George P. Fletcher, Rethinking Criminal Law (1978).
9. Glanville Williams, Criminal Law: The General Part (2d. Ed. 1961).
10. H.L.A. Hart, Acts of will and responsibility in punishment and responsibility (1968).
11. H. Wechsler, The challenge of a Model Penal Code, 65 Harv. L. Rev.(1952).
12. Herbert Morris, Punishment for thoughts, guilt and innocence: Essays in legal philosophy and moral psychology (1989).
13. J.W. Cihil Turner, Kennys outlines of Criminal Law. 18, (19th Ed. 1966).
14. James Mangiafico, The Independence Of Actus reus (2011).
15. Jeremy M. Miller, Mens Rea quagmire: The conscience or consciousness of the Criminal Law? 29 Western State University Law Review (2001).
16. Jim Dwyer, After a death seen on tape change is promised. N.Y. Times, July 12, 2008, At B1;
17. John Austin, Lectures On Jurisprudence (4th Ed. 1873).
18. Ken Levy, Killing, letting die and the case for mildly punishing bad Samaritanism. 44 Ga L. Rev. 605.
19. Michael Corrado, Is there an act requirement in the Criminal Law?, 142 U. Pa. L. Rev. (1994).
20. Michael Gorr, The Actus Reus requirement: A qualified defense, 10 Crim. Just. Ethics (1991).
21. Michael S. Moore, Act And Crime: The philosophy of action and its implications for criminal Law (1993).
22. Nora Zamichow, The fractured life of Jeremy Strohmeier, L.A. Times, July 19, 1998, At A1.
23. Oliver Wendell Holmes, The Common Law (1881).
24. P. Robinson, M. Cahill, Can a Model Penal Code Second save the States from themselves? //
25. Brooklyn Law School Legal Studies Research Papers Series P. Robinson. In a defense of Model Penal Code: A reply to Professor Fletcher // Buffalo Criminal Law Review. — Vol. 2. — 1998.
26. P. Robinson. M. Dubber, An Introduction to the Model Penal Code.
27. P. Robinson, Mens Rea.
28. P. Robinson, Should the Criminal Law Abandon the Actus Reus-Mens Rea Distinction? An offprint from Criminal Law: Action, Value and Structure, S. Shute, J. Gardner, J. Horder, eds., Oxford University Press, 1993.
29. P.W. Low & J.L. Hoffmann, Federal Criminal Law (1997).
30. R.M. Perkins & R.N. Boyce, Criminal Law (3d. Ed.1982).
31. Sir William Blackstone, Commentaries on the Laws of England, Book IV, (10th Ed. 1787).
32. W.R. La Fave, Criminal Law (3d Ed. 2000).

Материал поступил в редакцию 9 мая 2013 г.